

Джон Армстронг

УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ ФАКТЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Джон Армстронг

**Украинский национализм.
Факты и исследования**

«Центрполиграф»

2008

Армстронг Д.

Украинский национализм. Факты и исследования /
Д. Армстронг — «Центрполиграф», 2008

Труд Джона Армстронга, известного советолога и украиноведа, – это документированная история украинского национализма времен Второй мировой войны. Автор подробно представил разнообразные социальные элементы националистического движения, проследил борьбу внутри его группировок и деятельность их лидеров в политической атмосфере тех лет. Он подверг глубокому анализу природу этого явления, распространение его в различных частях Украины, особенности проявления в период немецкой оккупации и источники живучести, а также показал, как оно трансформировалось под влиянием среды, в которой зародилось. Коснулся и крайних форм национализма – агрессии и зверств в отношении мирного населения в стремлении к расовой чистоте. Книга особенно интересна тем, что базируется на многочисленных малоизвестных источниках: архивных материалах, мемуарах, статьях, которые настолько красноречивы, что позволяют читателям делать собственные сопоставления и выводы относительно феномена украинского национализма.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Джон Армстронг

Украинский национализм.

Факты и исследования

Глава 1

Возникновение национализма

Летом и осенью 1942 года германские армии катились по просторам Украины; к ноябрю вся Украинская Советская Социалистическая Республика была в их руках. Во всем мире понимали значимость завоевания этой огромной территории с ее сорока миллионами жителей. Аграрное богатство Украины, которая была известна как «житница СССР», огромный промышленный комплекс Донецкого бассейна и богатые минеральные запасы – все это потерял Советский Союз и приобрела Германия. Пока что политические последствия этих завоеваний обращали на себя меньшее внимание, чем экономические, но они в некотором отношении превосходили по важности экономический эффект.

Хотя раздельное политическое развитие стало давней традицией на Украине¹, современный национализм – доктрина о том, что люди четко выраженной другой культуры должны создать независимое государство, – пришел поздно на эту землю. Для близкого наблюдателя первые зародыши национализма среди образованных групп населения на Украине появились, очевидно, в начале XIX века, и к середине того века Тарас Шевченко, величайшее имя в украинской литературе, давал поэтическое выражение националистическим чувствам. Однако организации исключительно политического характера, выразившие претензии на украинскую государственность, сформировались значительно позже². У студента, изучающего современную политику, именно это позднее появление украинского национализма вызывает неподдельный интерес. Есть мало вещей более важных для понимания политических сил, формирующих современное общество, чем взаимодействие национализма в его различных проявлениях и социализма в его распространившихся формах. В этом отношении украинский национализм особенно значителен, потому что сформировался в то же время, когда марксистский социализм стал влиятельной идеологией в Российской империи. В то время, когда украинский национализм приобретал определенные политические цели, а доминирующий элемент – русский марксизм – принял политическую форму советского коммунизма, отношения между этими двумя силами становились все более сложными.

Этот факт, а также то обстоятельство, что украинский национализм являлся значительной силой, направленной на обеспечение себе поддержки пятой части населения Советского Союза, пожалуй, заслуживает того, чтобы украинский национализм стал предметом детального изучения, даже при том что он никогда не достигал своей главной цели – создания по-настоящему независимого государства. Более того, важность взаимодействия национализма и коммунизма предполагает, чтобы изучение было сфокусировано на той части украинской

---

¹ Термин «Украина» употребляется в этом труде (за исключением случаев, когда явно имеется в виду другое) для обозначения территории, включенной в Украинскую ССР в 1946 году. По существу, эта территория (за исключением Закарпатской Украины, о которой коротко говорится в некоторых местах этого труда) была включена в Украинскую ССР в 1941 году. Эта территория весьма близко соответствует – за исключением, как отмечается в главе 11, восточной части – украинской «этнографической» территории, то есть территории, на которой местное население говорит по-украински. (Здесь и далее сноски и примечания с цифрами принадлежат автору. – *Примеч. пер.*)

² John S. Reshetar. *The Ukrainian Revolution, 1917—1920: A Study in Nationalism* (Princeton: Princeton University Press, 1952). P. 12.

этнографической территории, которая между 1920 и 1941 годами находилась под советским правлением. Этот регион, обычно известный как Восточная Украина, был подвергнут полному воздействию советской системы до периода, охватываемого в настоящем труде, в то время как Западная Украина была разделена между некоммунистическими Польшей, Румынией и Чехословакией в течение почти всего периода между двумя мировыми войнами. Хотя упор делается на Восточной Украине, Западная Украина также рассматривается в значительной степени как регион, в котором национализм проявлял себя особенно энергично и служил базой националистической активности.

Настоящий труд носит прежде всего политический характер по своей тематике и рассматривает национализм как движение, стремящееся к созданию независимого государства. Но он не ограничен политическим аспектом в узком смысле термина³. Поскольку украинские националисты не преуспели в организации государственного аппарата, то существует ограниченное поле для изучения конституционных или юридических структур. Как вскоре станет очевидным, природа различных националистических идеологий делает интенсивное изучение украинской политической философии предметом ограниченной ценности. Исходя из этого, я прилагал усилия, чтобы следовать по пути, иногда описываемому как «социология политики». Я проследил историю националистических партий и, насколько возможно, описал разнообразные социальные элементы националистического движения.

Много усилий было затрачено исследователями, чтобы проанализировать природу национализма и определить источники его живучести. Никому это не удалось в полной мере, так как подобно всем динамическим движениям, которые вышли далеко за пределы их первоначальных сред обитания, национализм приобрел дополнительные оттенки, а также трансформировался под влиянием различных веяний той среды, в которой он зародился. Это проблема специфической трудности – определить в любой стране, почему то или иное движение пустило корни; особенно это верно в отношении Украины. Одним из наиболее частых стимулов националистических настроений является религия, но образование самостоятельной украинской православной иерархии было скорее результатом роста националистического чувства, чем его причиной⁴. Другим стимулом национализма является существование отличительных народных традиций и быта. В дополнение к отличительным народным художественным формам, о чем будет упомянуто позже, было еще и явное различие между социальной организацией большинства украинских крестьянских общин до 1917 года и российских крестьян. На Украине народ, например, обычно не следовал излюбленной российской системе «передела», или периодического перераспределения сельхозугодий с вытекающим отсюда подчинением индивидуального крестьянина коллективу⁵. В 1905 году, до того как этот народ стали считать отдельной нацией, Маккензи Уоллес, проницательный наблюдатель заделами в царских владениях, отметил следующее:

«Город Киев⁶ и окружающая страна – на самом деле малороссийские, а не великороссийские, и между этими двумя группами населения есть глубокие различия – различия в языке,

---

³ Не было сделано никаких попыток рассмотреть прежде всего культурные аспекты национализма (например, литературные произведения) военного времени в той мере, в какой они напрямую связаны с национализмом как организованным политическим движением. В главе 13, однако, литературные течения, которые представляют собой резонанс националистических идей, являются главным предметом рассмотрения.

⁴ См. главу 8.

⁵ Cf. *Geroid Tanquary Robinson. Rural Russia under the Old Regime: A History of the Landlord-Peasant World and a Prologue to the Peasant Revolution of 1917.* New York: The Macmillan Company, 1949.

⁶ Вторая форма написаний некоторых названий – украинская. Населенный пункт в этом труде встречается обычно в форме, употребляемой властью, которая с 1945 года контролировала район, где он находится. Это значит, что населенные пункты, находящиеся теперь в СССР, обозначены русскими формами, а некоторые, находящиеся теперь в Польше, – польскими формами. Там, где украинские названия отличаются, они даются в скобках после первого наименования. В некоторых случаях (особенно если речь идет о реках), когда другая форма уже устоялась для тех, кто читает по-английски, мы вышеупомянутой практике не следуем.

одежде, традициях, народных песнях, пословицах, фольклоре, быте, коммунальной организации. В этих и других отношениях малороссы, южные русские, русины илихохлы, как их по-разному называют, отличаются от великороссов севера, которые составляют доминирующий фактор в империи и которые дали этой замечательной структуре ее существенные характеристики. Действительно, если бы я не боялся без нужды беречь патриотические настроения моих великоросских друзей, у которых есть своя любимая теория на этот счет, я сказал бы, что мы имеем дело с двумя разными нациями, более далекими друг от друга, чем англичане и шотландцы. Различия объясняются, я считаю, частично этнографическими особенностями и частично историческими условиями».⁷

Как заметил Уоллес, языковые различия между украинцами и русскими существенны. Фактор языка действительно использовался очень часто как решающий критерий для различения двух этнических групп⁸. На протяжении XIX столетия самостоятельный, но все еще развивавшийся украинский литературный язык строился на речи, распространенной среди крестьянства. Этот язык принадлежал к восточнославянской языковой группе и поэтому ближе к русскому, чем к любому другому языку, хотя русский не очень понятен большинству крестьян. Однако он уже обосновался как литературный язык Восточной Украины, до того как литературный украинский стал заметным явлением, и был привычным почти для всех образованных украинцев в Советском Союзе.

Важно заметить тем не менее, что приверженцы украинского национализма руководствовались вовсе не такими критериями, как религия, народный быт или язык; более весомым для них стало обращение к общей исторической традиции, утверждение, что украинский народ, когда-то великий и независимый, потерял свое наследие. В Европе на рубеже столетий существовали, на взгляд поверхностного наблюдателя, два класса наций: те, которые воплотили себя в независимые государства, и те, которые нет⁹. Фактически вторая группа была подразделена на «исторические» нации, представители которых помнили, что обладали в современной истории собственной устойчивой государственной формой, и нации, которые не были настолько удачливы. Среди первых можно упомянуть поляков, чья республика исчезла в предыдущем веке, чехов, которые по-прежнему сохраняли остатки своего старого государства в Богемии. Однако для таких народов, как латыши, словенцы, а также для жителей Украины, никогда такого соборного момента, как государственность, не существовало; следовательно, нужно было хорошо поворошить страницы истории, чтобы подыскать сопоставимый символ единства.

Так как для становления нации было жизненно важно, чтобы ее язык и ее история воплощались в работах, которые могли вдохновлять лояльность национальной идее, то вполне естественно, что лидерами националистического движения должны были стать писатели. Здесь уже упоминался национальный поэт Шевченко, и он всего лишь один из ряда писателей – таких как Николай Костомаров и Иван Франко. Историки, которых возглавлял Мыхайло Грушевський, кто, возможно, больше чем любой другой заслуживает право называться отцом украинского национализма, были не менее важны¹⁰. Ранние лидеры движения – интеллектуалы почти что все без исключения – люди более слова, чем дела, – факт, который должен был иметь большое значение для будущего развития украинского национализма.

Часть усилий по стимуляции исторического сознания жителей Украины сосредоточивается вокруг попытки показать, что их этническими и духовными предками являлись жители

---

⁷ *Sir Donald Mackenzie Wallace. Russia (New York: Henry Holt and Company, 1905). P. 347.*

⁸ В этой работе мы называем тех, кто говорит на украинском языке как на своем родном, украинцами, но при этом не подразумеваем, что говорящие на нем обязательно отдают себе отчет в своей национальной обособленности.

⁹ Эта концепция выражена в книге Хью Сетон-Уотсона *Eastern Europe between the Wars, 1918—1941. Cambridge: Cambridge University Press, 1946. P. 268—269.*

¹⁰ Ср. *Reshetar. The Ukrainian Revolution. P. 9.*

Киевской Руси, и опровергнуть, что русские произошли из средневекового киевского государства. Намного больше энергии было употреблено, однако, на изучение истории казаков из Запорожской Сечи (оплот за днепровскими порогами) и попытке показать, что их борьба с Польшей и Россией была на самом деле попыткой образовать независимое украинское государство¹¹. Этот акцент был понятен, ибо память о свободолюбивых и воинственных предках – казаках была еще жива среди простых людей. В связи с этим преподносился особенным образом поразительный успех в XVII веке лидера казаков Богдана Хмельницкого, который водил свои армии против Польши на берега Вислы. Последующая история того, как Хмельницкий стал вассалом Москвы, чтобы обеспечить независимость от Польши, и как цари затем постепенно поглощали территорию его преемников, питает главное историческое обоснование утверждений, что союз с русскими был навязан Украине, то есть речь идет об одном из основополагающих национальных мифов.¹²

По всей вероятности, все это могло бы никогда не пустить корни без наличия отличительных исторических традиций, языка и нравов; современный украинский национализм развивался как двойственная подражательно-защитная реакция на зарубежный национализм. Германское националистическое движение начала XIX столетия с его романтическим акцентом на прославление национального прошлого, языка и обычаев простых людей оказало сильное влияние на зарождающийся украинский национализм. Более того, в пределах Австро-Венгерской империи культурно продвинутая часть украинцев находилась в тесном соприкосновении с глубоким национализмом галицких поляков. Поляки составляли в действительности правящий класс Галиции, которая однажды была частью польского королевства. Половина населения этой провинции, говорящая на украинском, никогда не теряла понимания своего национального отличия, так как между украинским и польским языками существует значительное различие, а этническое разделение совпадало с церковным. Поляки были римскими католиками, в то время как украинцы, хотя также состояли в подчинении папе римскому, были почти все христианами греческого (то есть византийско-славянского) обряда. Следовательно, неудивительно, что духовенство изрядно способствовало пробуждению украинского национального чувства в Галиции. Наиболее видным из таких священников был митрополит Андрей Шептицкий. Он был выходцем из семейства, которое относилось к польской знати, но чувствовал себя украинцем; его жизненный путь, длившийся почти полный период украинской националистической деятельности от рубежа столетия до завершения периода, охватываемого в этой работе^{13, 14}.

Причины, почему украинское националистическое движение возникло в пределах Российской империи, не так и очевидны. К началу XX столетия большая часть видных людей украинского этнического происхождения, похоже, была русифицирована по части культуры и

¹¹ Сравните объем текста, отведенного этим двум периодам по отношению к общему объему работы, в изложениях украинских националистов, таких как Мыхайло Грушевський, *A History of the Ukraine*, ed. O.J. Vernadsky / New Haven: Yale University Press, for the Ukrainian National Assotiation, 1941, и *Дмитро Дорошенко. History of the Ukraine* (trans. Hanna Keller /Edmonton: The Institute Press, Ltd., 1939).

¹² *Theodore Mackiv. Prince Mazepa* (Chicago: Ukrainian Research and Information Institute, Inc., 1967).

¹³ С конца XVI века автор перескакивает на митрополита Шептицкого – несведущий читатель подумает в вышеприведенном контексте, что это человек из тех времен. В действительности он ушел из жизни в 1944 году, а до этого выходец из польской знати, прежде чем «почувствовать себя украинцем», успел послужить офицером австрийской армии. Потом он приветствовал приход на Украину «освободителей» – гитлеровские войска. При нем униатская церковь благословляла украинских эсэсовцев дивизии «Галычина». Во время оккупации он позволял нарушать запрет на работу в воскресные дни – для работы на «освободителей». Множество таких документов было выставлено несколько лет назад в Ивано-Франковске на выставке, посвященной Шептицкому, – разумеется, не с целью разоблачения, а как национальные реликвии. (*Здесь и далее примеч. пер*)

¹⁴ См.: *Степан Баран. Митрополит Андрей Шептицкий и Ілько Борщак* (Elie Borschak – этот автор больше известен по французской форме своего имени), *Un Prelat Ukrainien: Le Metropolit Cheptyckyj (1865—1944)* / Paris: Editions Franco-Ukrainiennes, 1946. Тот факт, что приходским священникам грекокатолического обряда разрешалось жениться, означал, что их национальные чувства могут переходить из поколения в поколение – фактор исключительной значимости для дальнейшего существования носителей «национального идеала».

национального чувства, даже если иногда и становилось ясно, что они помнят элементы иной культуры родового прошлого¹⁵. Что Российская империя смогла выполнить такую крупномасштабную ассимиляцию – дань той степени, в какой она была наднациональна и избегала узких концепций этноцентризма. Хотя в шестидесятых годах и возникло влиятельное течение, когда Н.Т. Данилевский в своей работе «Россия и Европа» провозгласил приход панславизма, основанного на этнической русской гегемонии¹⁶, для многих, особенно для чиновников правящей бюрократии, царское правление оставалось выражением экуменической традиции империи, «Третьего Рима», но такой, которая основывала свою власть на символах скорее всеобщего характера, чем национальной исключительности.

Однако претензии Российской империи на то, чтобы быть воспринятой, ослаблялись ее неспособностью решать социальные вопросы. Но какая бы масса культурных различий и исторических реминисценций ни способствовала формированию украинского националистического движения, трудно представить, как бы оно могло возникнуть, если бы к этому в большей степени не примешивался базисный раскол в социальном устройстве украинского общества. Там в необычной степени национальность совпала с экономическим классом. Почти все украинцы, за исключением кучки интеллигенции, были крестьянами; землевладельцами и чиновными лицами были поляки или русские, в то время как коммерческая буржуазия была в значительной степени еврейской. При таких обстоятельствах любое националистическое движение, вероятно, легко становится и классовым, и лидеры такого движения будут напирать на аграрную реформу и освобождение крестьянина от «эксплуататорских» групп.

И произошло, конечно, так, что украинский национализм стал врагом коммунизма. В основном коммунизм¹⁷ в Российской империи в дореволюционный период и во время революции 1917 года был движением городским. И его идеология, и его практические возможности прежде всего побуждали сторонников коммунизма искать поддержку среди городских промышленных рабочих, ведомых и вдохновляемых группой инакомыслящих интеллектуалов. Он втягивал в себя все нации царской России, но был преобладающе русским и еврейским. Рабочую массу составляли в основном русские, а те немногие украинские рабочие, которые обосновались до 1917 года в городах, были по большей части русифицированы по языку и сознанию. Но коммунистические лидеры, с их четким осознанием реальных социальных условий России, поняли, что никакое чисто городское движение не сможет добиться успеха в стране на четыре пятых крестьянской. Поэтому они старались, особенно после мартовской революции 1917 года (очевидно, что речь идет о Февральской революции. – *Примеч. пер*), через механизм Советов вовлекать сельского жителя в революционное движение. Здесь коммунисты натолкнулись на оппозицию украинских националистов. В условиях беспорядка и дезорганизации после свержения царя украинские националисты были способны из стадии квазизаконной группы партий, намеревавшихся прежде всего пробуждать приверженность к культурному национализму, перейти к положению реальной, пусть и шаткой, политической силы. С весны 1917 до лета 1920 года эта сила, хотя и не представляла больше единственного «движения», оказалась способной поддерживать ряд украинских правительств на территории Украины.

В задачи этой работы не входит детальное рассмотрение природы этих правительств, о которых уже много говорилось в других трудах¹⁸. Однако необходимо, по крайней мере, перечислить их. Первое, сформированное в апреле 1917 года, было известно как Украин-

¹⁵ *Изаак Мазена*. Україна в огні і бурі революції, 1917—1921: В 3 т. (Munich: Prometei, 1950—1951); и *Володимир Винниченко*. Відродження нації: Історія української революції, марець 1917 – грудень 1919: В 3 т. (Vienna, 1920).

¹⁶ Автор несколько напутал: это сочинение не Н.Т., а Николая Яковлевича Данилевского, русского социолога и публициста, действительно идеолога панславизма.

¹⁷ Большевицкая фракция Российской социал-демократической партии не принимала названия «коммунист» до 1917 года, но во избежание путаницы я использую последний термин применительно к непрерывному по существу движению.

¹⁸ *Reshetar*. The Ukrainian Revolution.

ская центральная рада («рада» является эквивалентом русскому слову «совет»), но в течение первых месяцев ее деятельности это был, по существу, полуавтономный административный орган, признававший верховенство Временного правительства в Петрограде. Демократическая и строго социалистическая по идеологии, Рада явилась детищем левых интеллектуалов, которые преобладали в национальном движении перед войной. В январе 1918 года она провозгласила независимость Украины, но немцы, оккупировавшие Украину в феврале 1918 года, разогнали Раду. Ее сменил квазимонархический режим, возглавляемый выходцем из землевладельческой аристократии Павлом Скоропадским, потомком гетмана, или вождя запорожских казаков¹⁹. После ноябрьского перемирия 1918 года это правительство, больше не поддерживаемое германскими войсками, пало и было заменено новым режимом, известным как Украинская народная республика (УНР)²⁰. Он просуществовал почти два года, но был подвержен превратностям судьбы из-за усилий коммунистов завоевать Украину, стремления белых антибольшевистских армий вернуть Украину в Россию и желания Польши расширить сферу влияния до Днепра. Администрация, известная как Директория, скоро оказалась под контролем своего могущественного деятеля – Симона Петлюры, который как командующий вооруженными формированиями приобрел в тот период такую известность, что его имя с тех пор стало синонимом борьбы за национальную независимость среди наименее образованных элементов украинского населения.

Эти правительства, давшие Украине некоторую стабильность, получили поддержку многих из тех, кто хотел установления некоммунистического режима. Безусловно, немало людей, желавших крепкой власти, возлагали надежды и на консервативные военные формирования Деникина и Врангеля, белых генералов. Однако, прежде чем последний стал крупной фигурой, столь же консервативная власть в лице гетмана поддерживалась значительной частью верхних слоев царского общества, включая множество офицеров вооруженных сил. Приняв идею независимой Украины, некоторые офицеры, такие как генералы Всеволод Петров (Петрив) и Михаил Омелянович-Павленко, остались сторонниками националистического украинского режима, который пришел на смену режиму Скоропадского, и оказали ему ценную помощь в силу своих профессиональных качеств.²¹

С другой стороны, за исключением группы Скоропадского лидерство в украинском националистическом движении в течение революционного периода находилось главным образом в руках интеллектуалов, и даже многие из последователей гетмана были писателями и учеными. Образованная молодежь Украины разделилась на тех, кто хотел участвовать в большевистском движении, и тех, кто выбрал путь левого национализма. Виктор Приходько, националист, который пережил тот период, описывает первых как людей, мысливших на «планетарном» уровне, желавших решить мировые проблемы все и сразу, а претензии на национальную общность рассматривавших как местнические. Одним из его школьных товарищей был Владимир

¹⁹ Скоропадский был потомком по косвенной линии Ивана Скоропадского, избранного гетманом в 1708 году (Левобережной Украины; участвовал в войне против шведов – в отличие от сидевшего в Киеве гетмана Мазепы).

²⁰ Скоропадский в 1918 году бежал в Германию. Погиб в 1945 году во время бомбардировок союзниками Баварии. «Во время Второй мировой войны П. Скоропадский пытался наладить диалог украинских политиков с гитлеровцами с целью создания независимой монархической Украины» (*Історія України*. Львів, видавництво «Світ», 1998. С. 236).

²¹ Биографии этих офицеров чрезвычайно интересны, так как проливают свет на процесс украинизации царских аристократов. Так, в родословной генерала Петрова больше норвежского и финского, чем украинского, но за несколько поколений до его рождения семейство обосновалось на Украине; известно, что «его национальное самосознание было пробуждено» финскими и шведскими офицерами-националистами из Великого княжества Финляндского во время прохождения службы в Варшаве в 1904 году. То, что дивизия, начальником штаба которой он являлся, была на 80 процентов укомплектована украинцами, когда произошла Октябрьская революция, возможно, побудило его встать в ряды национального движения (см. «За Украину», 28 января 1945 г., с. 2, и 1 февраля 1945 г., с. 2). Омелянович-Павленко был сыном генерала из донских казаков и грузинской княжны, во время большевистской революции он находился в Одессе и присоединился к украинцам. См.: *Мирослав Мартынец*. Генерал-полковник М. Омелянович-Павленко (Вісті братства кол. вояків Першої УД УНА, август – сентябрь 1952. С. 1).

Затонский, который позже стал одним из наиболее рьяных коммунистических деятелей Украины²². Даже перед войной он, утверждает Приходько, отказался иметь что-либо общее с украинскими культурными акциями, подобно «Просвите» – просветительскому обществу в городе Каменец-Подольском, где они были студентами, а предпочел связаться с «иностранцами» – русскими и евреями и был быстро вовлечен в революционное социалистическое движение²³. Основой для выбора в этом поколении молодых интеллектуалов, похоже, был случай, или психологический тип индивидуума, который, сделав первоначальный выбор, все более и более укреплялся в нем под совокупным воздействием сформировавшихся ассоциаций. Таким образом, ко времени, когда революционные конфликты близились к завершению, образованные классы на Украине были совершенно раздроблены. Еще более разделенным было крестьянство – реальная основа любого движения независимости. Они – или по крайней мере те, кто преуспевал выше среднего уровня, – первоначально приветствовали создание украинских правительств. Растущее бессилие новых режимов и их увлечение фракционной борьбой и нереалистичными программами вместо практических мер вызвали явное равнодушие или потерю доверия крестьянства. Однако, согласно суждению одного из самых способных студентов революционного периода, украинский крестьянин предпочел националистическое правительство любой красной или белой администрации, поддерживающей центральный режим.²⁴

Тот факт, что коммунисты победили физически, не может служить доказательством серьезной народной поддержки, ибо в основном ее оказали русские городские рабочие извне Украины. Однако украинское правительство Петлюры было значительно дискредитировано, потому что не сумело уделить достаточного внимания потребностям крестьянства и установить закон и порядок. Кроме того, союзом с Польшей оно нарушило свое обещание представлять всю украинскую нацию. Это следовало из того факта, что Галиция, которая при распаде габсбургской монархии сформировала собственную Западноукраинскую республику, была отдана варшавскому режиму как плата за помощь на востоке. С этим решением большинство населения Галиции отказалось соглашаться. Однако Польша и Советский Союз заключили мир (автор не в курсе, что тогда еще не было такого понятия – Советский Союз, которое появилось в 1922 году. – *Примеч. пер.*), и вскоре после этого остатки украинской армии и бюрократии перешли в Польшу, чтобы быть там интернированными. Из этого укрытия группа в несколько сотен человек под командованием полковника Георгия Тютюнника совершила в октябре 1921 года последнюю отчаянную вылазку в оккупированную Советами Украину.²⁵

После этого Восточная Украина оказалась под властью коммунистов, которой уже невозможно было бросить военный вызов. Какое-то время, однако, казалось, что рост националистических настроений – они росли даже среди тех, кто давно был сторонником марксистских доктрин, – мог бы принести то, чего не удалось добиться оружием. Чтобы понимать эту ситуацию, необходимо вспомнить, что коммунисты при Ленине изменили свою первоначальную позицию, чтобы апеллировать к национализму нерусских. В январе 1918 года, вскоре после прихода большевиков к власти, III съезд Советов утвердил теоретическое право всех наций царской империи идти своим путем и отделиться от большевистского правительства в Москве.

²² В.П. Затонский занимал высокие партийные и государственные посты на Украине и в Москве. Подвергся сталинской репрессии и погиб в 1938 году.

²³ Виктор Приходько. *Краківські вісті*. 1942. 18—19 января. С. 2.

²⁴ William H. Chamberlin. *The Ukraine: A Submerged Nation* (New York: The Macmillan Company, 1944). Кроме того, один из лучших коммунистических историков революционного периода на Украине, M.G. Rafes, бывший сторонник еврейского Бунда, говорит: «естественное» развитие крестьян (и рабочих, особенно на сахарных рафинадных заводах в маленьких городах) шло в сторону «национального социализма», «Украины для украинских крестьян», правда, он добавляет, что их вдохновляла «реакционная буржуазная интеллигенция»; см.: Два года революции на Украине: эволюция и раскол Бунда. М., 1920. С. 8. См. также всесторонний анализ Борыса (*Jurij Borys. The Sovietization of Ukraine, 1917—1923*), особенно с. 57—72 и 164—170.

²⁵ Мазена. *Україна в огні і бурі революції*. Т. 3. С. 96—105.

В то же самое время это право перечеркивалось упоминанием о том, что оно может быть осуществлено только «трудящимися массами». Хотя позиция коммунистов была сформулирована более чем двусмысленно, их приверженность тезису о том, что интересы трудящихся представляет только коммунистическая партия и что нероссийские компартии составляют неотделимую часть центральной большевистской организации, превращала на деле самоопределение в фикцию. В последующие годы центральное партийное руководство использовало вооруженную силу когда можно, чтобы подтвердить, что местные компартии, низведенные до уровня простых филиалов единой партии, должны «править» в своей отдельной нации, которая составляла часть царской империи.

Изначально поставив целью жесткий коммунистический контроль, лидеры большевиков, однако, сделали широковещательные заявления против «великорусского шовинизма» и определили, что культура каждой нации должна быть «национальной по форме, социалистической по содержанию». Поощренные этим очевидным желанием развития национальной культуры в ущерб российскому культурному господству, которое навязывалось их народам в царские времена, многие из коммунистических лидеров наций с установлением коммунистического контроля энергично принялись налаживать независимую культурную жизнь. На Украине главным таким руководителем в начале двадцатых годов был нарком образования Александр Шуйский; после его смещения в 1927 году на его место пришел Николай Скрипник, еще более рьяный коммунист, но твердый сторонник украинского культурного национализма²⁶. До какой степени эти люди были искренними приверженцами украинского национализма и до какой степени их благосклонность к нему мотивировалась желанием обеспечить себе народную поддержку и обуздать высокомерную власть Москвы с ее идеей интернационализма, который, по мнению Москвы, более соответствовал родоначальной коммунистической идеологии, трудно сказать. Во всяком случае, они пошли довольно далеко в поощрении чисто украинских черт и традиций, особенно в просвещении, литературе и образовании. В то время как эти коммунистические сторонники украинского национализма всегда составляли лишь долю правящей группировки на Украине и, следовательно, полностью не могли искоренить проникновение русских традиций в украинскую культурную жизнь, они, однако, способствовали развитию поколения молодых людей, которые привыкли думать и писать на украинском литературном языке, хотя многие продолжали расценивать владение русским как признак культуры.

Возможно, коммунисты группы Скрипника оставались в сердце более преданными коммунизму, чем национализму. Иначе обстояло дело, конечно, с очень большой группой интеллектуалов, одни из которых были представителями входящего в жизнь поколения, другие — из тех, что поддерживали национальные правительства революционного периода, но позже приняли советскую власть. Особенно заметным среди последних был Михаил Грушевский (Мыхайло Грушевський); хотя он некоторое время был президентом Рады (Центральной рады в 1917—1918 гг. — *Примеч. пер*), он решил вернуться на Советскую Украину, когда, казалось, там открылась возможность для националистической деятельности. Для него и его группы, которая состояла преимущественно из ученых и людей литературы, реальная цель состояла в том, чтобы пересмотреть коммунистическое предписание и строить культуру «социалистическую по форме, национальную по содержанию». Таким образом получилось, что Грушевский, который всегда в определенной мере принимал социалистическую доктрину как базу для необ-

²⁶ За прошедшие сорок лет появилось немало крупных научных работ по различным аспектам советского правления на Украине до Второй мировой войны. Наиболее важные: *Borys. The Sovietization of the Ukraine*, во многих отношениях лучшая монография по Советской Украине того периода; *Robert S. Sullivant. Soviet Politics and the Ukraine, 1917—1957* (New York: Columbia University Press, 1962); *George S. N. Luckyj. Literary Politics in the Soviet Ukraine, 1917—1934* (New York: Columbia University Press, 1956); *Basil Dmytryshyn. Moscow and the Ukraine, 1918—1953* (New York: Bookman Associates, 1956); *Hryhory Kostyuk. Stalinist Rule in the Ukraine* (New York: Frederick A. Praeger, 1960). *Jurij Lawrynenko. Ukrainian Communism and Soviet Russian Policy toward the Ukraine: An Annotated Bibliography* (New York: Research Program on the USSR, 1953).

ходимых реформ на Украине, уделил внимание марксистской идеологии в своих исторических сочинениях, но ясно показывал, что высшей реальной ценностью для него была украинская нация. Кроме того, он и его группа придерживались позиции, что исторически и экономически Украина была больше связана с Западной Европой, чем с Россией.

С коммунистической точки зрения такие идеи таили в себе достаточную опасность; в то время как коммунизм мог допустить на какое-то время в основе своей антипатичные ему формы, он не мог позволить, чтобы его собственные формы использовались как прикрытие для развития независимой идеологии. Похоже, Сталин, который настаивал на самом строгом соблюдении всех соответствий, принялся сокрушать «отклонение» украинцев в национальном вопросе, как только его власть набрала достаточную силу. Действительно, первые шаги в этом направлении были сделаны уже в 1927 году. Крупная атака развернулась, однако, в 1930 году – это были увольнение Грушевского с его академического поста (в 1929 году он был академиком АН СССР. – *Примеч. пер.*) и репрессии против его научного журнала «Украина». Наряду с атаками, которые развернулись против представителей интеллектуальной жизни, включая некоторых преданных марксистов, подобно историку Яворскому, выступавшему за независимое развитие Украины, прошли суды над учеными, обвиненными в принадлежности к подрывной лиге освобождения Украины²⁷. Вряд ли случайно, что эта кампания преследований явилась простым совпадением по времени с коллективизацией сельского хозяйства на Украине. Во многих отношениях образование колхозов (по-украински «колгосп») ударило по украинскому крестьянину гораздо сильнее, чем по российскому. Первый был в основном более зажиточным, и, следовательно, терять ему было больше; кроме того, отсутствие традиционной общинной сельскохозяйственной организации на Украине делало для него новую систему более чуждой и отталкивающей.

Похоже, именно украинское крестьянство составило огромную, если не преобладающую часть тех несчастных миллионов людей, депортированных как «кулаки» в Сибирь или Казахстан либо в голодные жалкие трущобы разрастающихся советских городов. Очень вероятно, что эта ситуация породила потенциальную основу для национального восстания, которую создавал экономический и социальный гнет со стороны иностранных правителей подобно тому гнету, что существовал до войны со стороны польских и русских правительственных чиновников и землевладельцев. Коммунисты часто были вынуждены опираться на неукраинских – русских и еврейских – интеллектуалов, рабочих из городов, где они имели реальную поддержку, или людей, привезенных из самой России, чтобы выполнять планы коллективизации. Следовательно, вероятно, подавление националистической интеллигенции в это время носило, по крайней мере частично, характер превентивной меры, направленной на ликвидацию группы, которая сама по себе несла в себе ограниченную опасность, но могла бы оказаться реальной угрозой для коммунистов, если бы смогла использовать недовольство крестьян, чтобы обратиться к национализму.

В то время как в Советской Украине занимались подавлением четко выраженного национализма, несколько иное развитие событий имело место в Западной Украине. В Польше крайне националистическая политика поляков, которые славились шовинизмом и когда находились под властью Австрийской империи, стала носить еще более угнетающий характер по отношению к украинцам с восстановлением польского национального государства. Как было выше отмечено, соглашение Петлюры с поляками вызвало глубокое недовольство украинцев в Гали-

²⁷ См., в частности: *Kostiuk*. *Stalinist Rule in the Ukraine*. P. 86—89, который убедительно доказывает, что эта организация и связываемый с нею «союз украинской молодежи», возможно, никогда не существовали вообще. См. также: *Luckyj*. *Literary Politics in the Soviet Ukraine*. P. 154—155; *John S. Reshetar*. *National Deviation in the Soviet Union*, *American Slavic and East European Review*, XII (April, 1953), 162—174; *T. Скубытський*. *Классовая борьба в украинской исторической литературе // Историк-марксист*. 1930. № 17. С. 27—40; и *Boris Krupnyts'kyi*. *Die ukrainische Geschichtswissenschaft in der Sowjetunion 1921—1941*, *Jahrbucher fur die Geschichte Osteuropas*, 1941.

ции. Хотя большинство националистов пытались сгладить критику против Петлюры лично, особенно после его убийства в Париже в 1926 году, большинство западных украинцев не поддерживали эмигрантское правительство Украинской народной республики. Западноукраинцы, напротив, пытались найти собственные подходы к проблеме поддержания украинского уклада жизни в условиях притеснения не тоталитарными, но нетолерантными иностранными националистическими правительствами.

Одним из предпринятых шагов было формирование законно признанных партий, которые проводили избирательные кампании и посылали своих представителей в Польский сейм, где те пытались защищать интересы этой группы населения в рамках средств, разрешенных правительством. Этот вид политической деятельности наряду с широким разнообразием работы, нацеленной на развитие украинской культуры и поддержание национальной самобытности, поглощал усилия весьма значительной части западноукраинской интеллигенции в двадцатых и тридцатых годах. В частности, в эту деятельность было вовлечено большинство людей старшего поколения, которое выросло в относительно мирных и стабильных условиях австрийского правления, затем круги, близко связанные с грекокатолической церковью, и большинство людей либеральных профессий. Хотя и существовало несколько мелких партий, которые имели авторитарные наклонности, большая часть политических сил этого рода была сгруппирована в Украинском национальном демократическом объединении (Українське національне демократичне об'єднання – УНДО), которое было определено демократическим по характеру, в его программе перемешались католическая, либеральная и социалистическая идеологии. Его усилия увенчивались весьма незначительным успехом – от периодов относительно удовлетворительного сотрудничества с поляками до ожесточенного бойкота со стороны невыносимо репрессивного режима.²⁸

Некоторые западноукраинцы скоро отвергли путь подлаживания под польское правительство; в начале двадцатых они обратились к коммунизму, связав с ним надежды на удовлетворение и национальных чаяний, и социальных потребностей. Хотя экономическое положение галицких украинцев было не столь бедственным, как на востоке Украины до и после войны, они страдали от нехватки сельскохозяйственных площадей, от невысокой производительности сельского хозяйства и, прежде всего, от того факта, что огромное большинство административных и рабочих мест в городах, которые могли бы служить в будущем естественным полем приложения сил и способностей для их сыновей, были заняты поляками и евреями. На Волыни условия были намного хуже; вероятно, они были столь же плохи, как и экономические условия в пределах Советской Украины до 1930 года. Следовательно, для коммунистической пропаганды существовала широкая экономическая база. В обстоятельствах, в которых, похоже, складывался националистический украинский коммунистический режим в Киеве, эта пропаганда обратила усиленное внимание и на националистические элементы среди западноукраинцев. В результате две прокоммунистические организации – Украинская партия труда (Українська партія праці) и партия сельских тружеников (селянсько-робітничка партія – сельроб) – имели значительный успех, особенно на Волыни. С чисто националистической точки зрения более серьезным явилось то, что многих студентов, хребет нового поколения, которое должно было бы продолжать поддерживать национальную жизнь, привлекла коммунистическая программа.²⁹

В то же самое время широкую поддержку получили крайние движения разного типа. Движение, которое известно у американских ученых как «интегральный национализм», возникло в Западной Европе на исходе XIX столетия, значительно раньше того, как коммунизм

---

²⁸ См.: *Raymond L. Buell*. Poland: Key to Europe (3rd ed.; New York: Alfred A. Knopf, 1939).

²⁹ Stepan Baran in *Krakivs'ki Visti*, January 18–19, 1942. P. 2; *EM. Галуцко*. Нариси історії ідеологічної та організаційної діяльності КПЗУ в 1919–1928 (Львів: Видавництво Львівського університету, 1965).

стал фактором какой-либо реальной политической важности. Общеизвестно, что одним из первых выразителей этой идеологии был Шарль Морра, который вместе с группой крайних французских националистов и проповедников политической реакции основал «Аксьон франсез» на рубеже столетий. Интегральный национализм никогда не пользовался особой привлекательностью во Франции или других западноевропейских странах, но в двадцатых годах в измененных формах он стал доминирующей силой в «недовольных» странах Центральной и Южной Европы.

Здесь он был элементом, который обеспечил идеологическую платформу для фашизма Муссолини и для подъема нацистской партии в Германии. Его влияние также сильно ощущалось в ультранационалистических партиях Польши, Венгрии, Румынии и Югославии. Поскольку интегральный национализм по определению скорее движение отдельных наций, чем универсальная идеология, и потому, что его сторонники отвергают систематические рациональные программы, трудно определить его точную природу. Следующие характеристики, однако, выделяются: 1) вера в нацию как высшую ценность, которой все другие должны быть подчинены, – по существу, тоталитарная концепция; 2) обращение к мистически постигаемым идеям сплоченности всех индивидуумов, составляющих нацию, обычно при условии, что биологические характеристики или необратимые результаты общего исторического развития сплели их в одно органическое целое; 3) подчинение рациональной, аналитической мысли «интуитивно правильным» эмоциям; 4) выражение «национальной воли» харизматическим лидером и элитой националистических энтузиастов, организованных в единую партию; 5) прославления активного действия, войны и насилия как выражения высшей биологической живучести нации.³⁰

В двадцатых годах эти концепции нашли отражение больше в европейской и меньше в американской мысли, даже если они не были открыто восприняты как политическая программа. Среди угнетенных наций Восточной Европы, где условия отличались от условий государств Центральной Европы и где новая идеология в конечном счете возобладала, новые идеи были с готовностью приняты, но в несколько измененной форме. Так было в Западной Украине в двадцатых годах, где две существенно отличных друг от друга группы подготовили почву для интегрального национализма³¹. Одна черпала свою силу из недовольства галицких солдат, которые вынесли на себе основную тяжесть борьбы украинцев за освобождение, ради того чтобы Польша зачислила их в граждан второго сорта. Наиболее активными были ветераны сечевых стрельцов, формирования, которым командовал полковник Эвген Коновалец в Восточной Украине. После краха Украинской народной республики эти части были расформированы в Галиции; многие из членов формирования объединились (в 1920 году) в нелегальную военизированную организацию, известную как Украинська вийськова організація – УВО. Во время ожесточенной борьбы с поляками в двадцатых годах с этой группой обращались жестко, ей отвечали актами насилия. По существу, однако, это была скорее военная оборонительная группа, нежели террористическое подполье.

Реакцией на коммунизм стало появление более радикальных националистических групп. Как отмечалось, в начале двадцатых коммунистическое влияние угрожало большей части украинского студенчества; это было верно не только в отношении законно признанных университетов, но и для подпольного университета, который создали во Львове украинские ученые, чтобы дать академическое образование сотням молодых людей, которых поляки не допускали в

---

³⁰ Классическая дискуссия по интегральному национализму см.: *Carlton J.H. Hayes*. The Historical Evolution of Modern Nationalism (New York: Macmillan, 1948). См.: *John A. Armstrong*. Collaborationism in World War II: The Integral Nationalist Variant in Eastern Europe, *Journal of Modern History*, XL (September, 1968), 396—410.

³¹ Опубликованные источники включают в себя: *В. Мартиниць*. Українське підпілля від УВО до ОУН: Спогади і матеріали до передісторії і історії українського організованого націоналізму (Winnipeg, 1949); Богдан Кравців в «Українець-Час», 10 июня 1951; и *Василь Рудко (Р Лисовий)*. Розлам в ОУН // Українські вісті. 1949. 23 мая.

высшие учебные заведения. Один из основных факторов отвращения студентов от коммунизма и вовлечения их в националистическое движение, организованное в 1926 году как Союз украинской националистической молодежи (Союз української націоналістичної молоді – СУНМ), была работа Дмитро Донцова. Выходец с Восточной Украины, Донцов стал активным пропагандистом национализма еще перед Первой мировой войной. В начале двадцатых его учение стало походить на учения интегральных националистов, хотя очевидно, что он заимствовал большинство своих идей скорее у немецких националистов типа Фихте и Хердера, чем у Морра или итальянцев, таких как Парето и Д'Аннунцио, например, Объем рукописи не позволяет произвести реальный анализ идеологии, которую Донцов с огромным успехом распропагандировал среди молодежи Галиции. Эта идеология отклонялась от основ интегрального национализма и содержала в себе следующие особенности: 1) акцент на силу, свойственный этой идеологии, в значительной степени выражался в отсутствии возможности длительной открытой оппозиции доминирующей группе, в защите терроризма; 2) поскольку государства, которое можно было бы превозносить как носителя «национального идеала», не существовало, подчеркивалась огромная важность абсолютной приверженности «чистому» национальному языку и культуре; 3) отсутствие традиции государства, которое через свои институты и легальные структуры поддерживало бы национальные чаяния, и оппозиция существующим государствам вели к крайнему прославлению «нелегальности» как таковой; 4) в близкой связи с двумя предшествующими пунктами существенный иррационализм идеологии был выражен фантастическим романтизмом, который был, однако, среди сравнительно неискушенных украинцев более спонтанным и подлинным, чем циничное отклонение разумного со стороны немцев и итальянцев; 5) бездействие старшего поколения и его склонность к компромиссам с польскими «оккупантами» способствовали естественной тенденции интегрального национализма к тому, чтобы полагаться на молодежь и отвергать умеренность старших.

То, как эти элементы в идеологии доминирующих националистических партий повлияли на курс событий во Второй мировой войне, и есть главная тема этой работы. Здесь следует, однако, подчеркнуть, что интегральный национализм был не единственным выражением иностранного влияния на идеологию здешних националистических партий в период между двумя мировыми войнами. Также большое значение имели революционные традиции, которые распространились совсем рядом, на территории царской империи. В своей террористической подпольной деятельности в конце двадцатых и начале тридцатых годов, которая включала в себя прежде всего убийства польских должностных лиц и представителей советской власти, украинские группы брали пример с движений подобно российской «Народной воле» 1870-х годов³². В других отношениях они (и на самом деле другие интегральные националисты, подобно германским нацистам) копировали большевистские методы, особенно в организации секретной политической полиции для поддержания «чистоты» партии и безжалостных методов внутрипартийной борьбы. Резкость и пренебрежение к правде в пропаганде также свидетельствуют о подобных влияниях. При этом у них остались, однако, сильные элементы либеральных и демократических, а также христианских принципов, даже если участники движения на словах отрицали их. Образование, уважение к установленной власти, индивидуальному выбору и народному волеизъявлению никогда полностью не исключались в реальной деятельности большинства самых радикальных групп. Интегральный национализм был лихорадкой, которая поразила некоторые наиболее активные элементы поколения после 1918 года, но легче понять

³² Все эти утверждения следует оставить на совести автора. Известно, что народовольцы, во-первых, шли на самопожертвование, а во-вторых, факты свидетельствуют, что народовольцы, как правило, отказывались от воплощения замысла, когда видели, что могут погибнуть невинные люди, особенно дети. Наследники же – по автору – народовольцев вырезали целые семьи просто по национальному признаку (взять хотя бы резню поляков на Волыни). Наконец, в двадцатых годах украинские националисты вряд ли успели так легко заразиться российскими революционными нравами – особенно если принять во внимание их столь идеалистические, как их рисуют, замыслы.

это и, возможно, смириться с этим применительно к этой нации, чем к другим, которые имели больше возможности для самовыражения через государство и на основе закона.

В двадцатых годах Украинская военная организация и Союз украинской националистической молодежи постепенно перетянули на свою сторону почти все политически активные элементы запада Украины, кроме тех, которые стояли на стороне умеренных легальных партий. Помимо этого, всегда сохранялись близкие связи между организацией ветеранов и студенческой группировкой; в 1929 году эти связи были оформлены созданием ОУН (Организация украинских националистов), в которой обе группировки соединились в единую партию, которая была призвана продолжать борьбу и политическими, и насильственными средствами против всех угнетателей украинской нации³³. Путем обращения к разочарованной молодежи, жившей под польским правлением, и привлечения на свою сторону многих недовольных эмигрантов с востока Украины новое движение быстро обрело весомую силу.

В течение восьми лет им руководил бывший командир сечевых стрельцов Коновалец. Его убийство, почти наверняка осуществленное советским агентом, 23 мая 1938 года стало серьезным ударом по ОУН.

Прежде чем новое руководство организации утвердилось у власти, оно столкнулось с ситуацией, которая явилась бы серьезнейшим испытанием и для куда более опытного руководящего органа. Соглашения, заключенные в Мюнхене в октябре 1938 года, ослабили Чехословацкую республику; украинские националисты начали агитировать за автономию маленькую и отсталую область Закарпатской Украины. В этом их поощрял нацистский режим, который хотел использовать украинский национализм как элемент, заинтересованный в разрушении чехословацкого государства, что облегчало бы последующее доминирование Германии. Очевидно, немцы хотели также поддержать украинский национализм Закарпатской Украины как потенциальную угрозу Советскому Союзу и Польше. В октябре 1938 года националисты объявляли, что Закарпатская Украина является «свободным, федеральным (в составе Чехословакии) государством», и в конечном счете Прага признала ее автономию, хотя экономически более важная часть была уступлена Венгрии. Местные украинские националисты, большинство которых были членами ОУН или сочувствовали ей, были организованы и готовы к тому, чтобы потребовать более решительных действий от руководителей ОУН, живших в эмиграции в Германии и направленных в Закарпатскую Украину по совету немецкой разведки³⁴. Основная часть их действий была посвящена формированию военизированной организации «Карпатская сечь», которая, они надеялись, сформирует ядро армии всеукраинского государства.

Когда немцы в марте 1939 года заняли Богемию и Моравию, они позволили Венгрии оккупировать остальную часть Закарпатской Украины. Украинские националисты были информированы относительно этого решения, и им было рекомендовано подчиниться венгерскому правлению³⁵; они решили, однако, взять отчаянный курс на объявление независимости Закарпатской Украины с правительством, возглавляемым священником монсеньором Августином Вольшиным. Эта «независимость», однако, продлилась лишь несколько дней; «Карпатская сечь» была не способна оказать эффективное сопротивление хорошо вооруженной венгерской армии. Первая крупная, почти за два десятилетия, попытка националистов осво-

---

³³ Украинские авторы обычно используют термин «националист» применительно только к ОУН. Я употребляю термин в западном понимании этого слова.

³⁴ Рассказы участников и свидетелей тех событий в закарпатско-украинском «государстве» см.: *Василь Вереш-Сірмянський*. *Закарпатська молодь/Українські вісті*. 1947. 16 марта. С. 6; *Стенан Росоха*. *Карпатська Україна в боротьбі за державу*. Там же, и *Юрій Таркович*. *Сонце із заходу // Українські вісті*. 1948. 17 марта. С. 5. О роли ОУН см. также *Рудко* (*Українські вісті*. 1949. 16 мая. С. 3) и *Seton-Watson*, *Eastern Europe between the Wars*. P. 395.

³⁵ Германский консул в Хусте (Закарпатская Украина) в Министерство иностранных дел, 14 марта 1939 года, и госсекретарь фон Вайцеккер германскому консулу в Хусте, 15 марта 1939 года, Германия, *Auswärtiges Amt, Documents on German Foreign Policy, 1918—1945*, ed. Raymond J. Sontag et al., Series D, Vol. IV (Washington: Government Printing Office, 1953). P. 210, 237.

бодить украинскую землю от иностранного владычества потерпела неудачу. Это событие стало предвестником еще многих подобных разочарований для ОУН и для всех украинских националистов.³⁶

---

³⁶ *Степан Росоха*. Історія українського війська (Winnipeg: Vydavets' Ivan Tyktor, 1953. P. 593—603) и *Roman Il'nyts'kyi*. Deutschland und die Ukraine, 1934—1945: Tatsachen europäischer Ostpolitik, ein Vorbericht, Vol. I (Munich: Osteuropa Institut, 1955) о национализме в Закарпатской Украине.

Глава 2

Украинцы и польская катастрофа

Мало какие группы в Европе 1939 года выигрывали от изменения статус-кво больше, чем националистическая Украина. Все, кто мечтал о независимой и единой Украине, понимали, что она может возникнуть только в результате серии катастрофических перемен в Восточной Европе. Единственным же событием, которое могло бы инициировать такие сдвиги, была большая война.

В течение многих лет наиболее вероятной войной такого рода представлялась война между Польшей – возможно, при поддержке одной или более западных держав – и Советским Союзом. Позже, после прихода к власти Гитлера и феноменального роста германской мощи, вероятными противниками стали казаться Германия и Польша, с одной стороны, и СССР – с другой. Украинские националисты чувствовали, что любой из этих раскладов, вероятно, приведет к освобождению Советской Украины, поскольку и польские, и германские лидеры давно держали в своих главных планах на востоке отторжение этих земель от Москвы. Окончание польско-германского сближения в середине тридцатых рассеяло надежды на немедленную комбинацию сил в Центральной Европе против коммунистического угнетателя, но открывало перспективу, вряд ли менее привлекательную для многих украинцев, разрушения немцами ненавистного польского государства. Следовательно, несмотря на серьезное разочарование, вызванное нежеланием немцев поддерживать эмбриональное украинское «государство» в Закарпатской Украине, националистические круги в большинстве своем были готовы к концу 1939 года подстроиться к германской политике, как они это делали в предшествующие годы. В то время как шок от августовского германо-советского пакта о ненападении вызвал многочисленные вопросы относительно обоснованности этого курса, он не отвратил наиболее активные элементы от поддержания сотрудничества с Германией. Немногие, если вообще такие были, могли предвидеть, что Германия фактически позволит Советскому Союзу поглотить западноукраинские земли.

Движение Павла Скоропадского, возможно, из всех украинских националистических движений меньше всех подготовлено было воспринять столь неожиданные изменения, произошедшие после августа 1939 года. Как было отмечено выше, даже в дни своего правления на Украине это движение никогда не было численно велико. В эмиграции же оно еще более ослабло из-за того, что многие из его первоначальных сторонников были в глубине сердца приверженцами российской монархии и не видели проку в поддержании украинского «монарха», разве что он окажется единственным возможным правителем. В результате этого оттока сторонников гетман и его оставшиеся последователи по своим взглядам стали еще больше националистами; однако они вряд ли могли конкурировать с ОУН на этом поле, и они испытывали недостаток престижа УНР, который позволил бы им претендовать на место прямых наследников тех, кто когда-то пытался реализовать мечту о построении современного украинского государства. За исключением маленькой группы в Великобритании, основная масса эмигрантских сторонников Скоропадского были организованы на территории Большой Германии в «Украинскую громаду», которая, по их утверждениям, еще в 1940 году составляла около 3500 человек³⁷. Большинство были людьми средних лет и старше.

---

³⁷ См.: Українська дійсність. 1-е изд. 1940. 15 ноября. С. 1, орган гетманской группировки. Чтобы ознакомиться со сжатым, но в целом точным и глубоким обобщением позиций этой и других украинских группировок в середине 1941 года, см. меморандум на основе досье германского министерства по делам оккупированных восточных территорий (Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete, Occ E-4 /5/), в Yiddish Scientific Institute (далее Occ E-4 (5)). Так как подпись неразборчива, я не смог определить имя автора этого меморандума.

Нехватку численности и молодежной энергии гетманцы возмещали престижем своих сторонников. Наиболее видным среди них был – до своей смерти в 1931 году – Вячеслав Липинский, талантливый историк и философ, который, по признанию многих, считался наиболее оригинальным и глубоким украинским мыслителем периода после 1918 года. В рассматриваемый период его влияние в «Громаде» было усилено группой способных историков во главе с Дмытро Дорошенко. Официальная идеология движения была компромиссом между философскими рефлексиями таких людей и острыми проблемами реальной политики, особенно потребностью приспособления к зарождающемуся «новому порядку».

Опубликованный в 1940 году «катехизис» последователей гетмана делал упор на неизменной цели движения – скорее территориальный, чем этнический патриотизм как база будущего украинского государства³⁸. Украинская нация, как заявлялось там, является организованным коллективом украинского народа, принадлежащего к «арийской» расе³⁹ – двусмысленное утверждение, которое было одновременно уступкой нацистской доктрине и намеком на готовность принять как часть в лоно украинской нации русских и польских «арийцев», живущих на украинской земле. Остальная часть программы была откровенно консервативной: классовое общество, основанное на учете интересов людей от «плуга», «станка» и «слова», гарантия права на жизнь, работу по призванию и защиту закона⁴⁰. Церковь должна быть независимой, но единой с монархией⁴¹. Достаточно очевидно, что ввиду жестоких условий той сумятицы, которой предстояло охватить Украину в течение военных лет, доктрины, основанные на размышлениях о долгих путях украинской истории, будут поняты и оценены только наиболее мыслящими представителями новых поколений, выросших при сталинизме или привлеченных активностью крайнего национализма. Идеология гетманцев сама по себе, вероятно, доказывала непреодолимость препятствий на пути реализации властных планов группировки гетмана.

Несколько парадоксально, в свете ее идеологической позиции, которая фундаментально отличалась от учений национал-социалистов, группировка Скоропадского имела близкие связи с правителями Третьего рейха. Имелся, конечно, весомый прецедент для такой позиции – полная зависимость гетмана от оккупационных сил кайзера Вильгельма; кроме того, про гетмана известно, что у него были личные дружественные отношения с Германом Герингом⁴². Консерватизм гетманцев, хотя и отличался в важных вопросах от нацизма, был полезен немецким лидерам как фактор, который мог быть использован против коммунизма. Все же из-за тенденции этой группировки избегать насильственного действия она была менее пригодна практически для целей нацистских лидеров, чем намного более близкие к ним идеологически националисты ОУН. Временами консервативная осторожность сторонников Скоропадского достигала почти полной пассивности. В декабре 1940 года, например, их орган утверждал, что украинский вопрос не решается в настоящее время, и осуждал «агитаторов», которые пытаются «формировать министерства и задумывать международные комбинации», в рамках которых такое урегулирование могло бы иметь место⁴³. Позже это приведет к почти невероятному спокойствию по отношению к немецкой жестокости на Украине. Например, 30 августа 1942 года сам гетман Скоропадский советовал своим сторонникам проявлять осмотрительность, сотрудничать с немцами против большевиков и выжидать мира. Он закончил утверждением, что «немцы должны быть убеждены, что украинцы – честный народ».⁴⁴

---

³⁸ А.М. Андриєвський. Катехизис, або наставлення в державній науці для українського гетьманця-державника (Берлін, 1940. 15 августа).

³⁹ Там же. С. 3.

⁴⁰ Там же. С. 21 и далее.

⁴¹ Там же. С. 23.

⁴² Joachim Joesten. Hitler's Fiasco in the Ukraine. Foreign Affairs, XXI (January, 1943). P. 334.

⁴³ Українська дійсність, передова стаття, 1940. 1 декабря. С. 1.

⁴⁴ Український державник, альманах на 1943 рік (Берлін, без дати). С. 8. В результате слабостей, указанных выше, гет-

С точки зрения идеологии и политической ориентации УНР была на противоположном полюсе украинской политики. Во многих отношениях, однако, ее развитие шло почти параллельно развитию гетманского движения. УНР была, конечно, «законной» преемницей республики 1918—1920 годов. Как было выше упомянуто, наследником первого президента, Симона Петлюры, был Андрей Левицкий, который продолжал считать себя главой государства с правительством в изгнании и, следовательно, стоящим над партиями. Фактически к 1939 году основная масса его сторонников были членами Украинской социал-демократической партии, хотя аура легитимности держала других, особенно социал-революционеров, в состоянии непрочной преданности ему. Кроме того, идеология группировки была бесспорно социалистической и демократической – хотя и несколько устарелого типа в силу довольно небрежно сформулированной утопической теории предреволюционной эры.

Некоторые тревожные события имели место в рядах УНР. Несомненно, никакая демократическая группа не могла бы пережить восемнадцать лет эмигрантского существования без каких-либо признаков вырождения. Основа силы демократического правительства и правления – частое возобновление поддержки путем выноса своей политики на всенародный вердикт и набора новых сил из народных масс – оказывается недейственной в условиях эмиграции. Это по существу своему динамическое явление становится статичным вследствие отрыва от масс, и члены такого правительства начинают заниматься собой. Здоровые явления демократической политики заменяют личная вражда, фракционность и борьба за внешнюю поддержку. Так шли дела и в УНР. Когда началась война, «правительство» было рассеяно в трех европейских столицах. Некоторые из менее важных министров были в Праге, где до недавнего времени демократическая атмосфера и поддержка чехословацкого правительства создали благоприятный климат для развития украинской культуры. В Париже находились Вячеслав Прокопович, премьер-министр, и Александр Шульгин, министр иностранных дел. Главным центром, однако, была Варшава – резиденция президента Левицкого и его министров Сальского и Смаль-Стоцкого. Такое распределение приблизительно соответствовало связям правительства с европейскими правительствами. Основными были связи с Польшей, как это было при Петлюре в последние месяцы его правления. У правительства в изгнании связи с Польшей стали еще теснее⁴⁵. Когда разразилась война, значительное число прежних офицеров Украинской республиканской армии служили как профессиональные военные (офицеры по контракту) в польской армии. Кроме того, прометеевское движение, которое было основано украинцами в двадцатых годах и возглавлялось Смаль-Стоцким, всецело поддерживалось Варшавой. Это движение, которое пыталось объединить эмигрантских лидеров наций Советского Союза (исключая русскую), играло большую роль в польских планах создания блока государств в Восточной Европе, от Финляндии до Кавказа, в котором Польша могла стать истинно великой державой, пользуясь своим «естественным» положением лидера. Украинские лидеры прометеевского движения знали, конечно, о целях Польши, но, в своем подавляющем большинстве желая освобождения этих народов от коммунистического ярма, принимали помощь варшавского правительства.⁴⁶

С точки зрения реальной политики зависимость лидеров УНР от Польши вполне понятна. К сожалению, польское окружение сделало многое для того, чтобы дать им почувствовать все минусы положения изгнанников. Тенденция к шовинизму в польском государ-

---

манская группировка играла сравнительно незначительную роль в развитии реальных политических сил на Украине в течение периода, являющегося предметом этой работы. Посему нет смысла отвлекаться от обсуждения более важных проявлений активности.

⁴⁵ По крайней мере, они стали теснее после убийства Петлюры. Как отмечалось выше, он оставил Польшу из-за политики подавления украинской культуры и быта в границах Польши. Левицкий, однако, считал возможным оставаться в Варшаве, и в результате недовольство галицких элементов вынудило его еще более сблизиться с польским режимом.

⁴⁶ О прометеевском движении в начале войны см. написанное его лидером Смаль-Стоцким *The Struggle of the Subjugated Nations in the Soviet Union for Freedom: Sketch of the History of the Promethean Movement*, *Ukrainian Quarterly*, III (Autumn, 1947). P. 324—344.

стве, его быстрый отход от демократических принципов в тридцатых годах и атмосфера милитаризма и фракционности перекликаются в некоторой степени с параллельными процессами в украинском движении.

Результатом связей лидеров УНР с Польшей, а также следствием их демократической идеологии стало то, что они предпочли продолжать свою деятельность во Франции и Румынии, где получили определенную поддержку от официальных кругов. В Румынии находилась большая группа украинских эмигрантов, но политическая атмосфера там быстро ухудшилась подобно тому, как это было в Польше. Условия во Франции были гораздо более благоприятными, и тамошнее украинское республиканское сообщество, включавшее в себя людей, занимавших высокие места в правительстве УНР, осталось в основном демократическим по взглядам. Франко-советский договор, однако, казался, уничтожал любую надежду на реальную помощь со стороны Франции. В то же самое время, как было отмечено, перспектива польско-германского сотрудничества против Советского Союза становилась реальнее. Эта перспектива была настолько привлекательна для лидеров УНР, что многие, включая президента Левицкого, отказывались видеть реальное ухудшение в германо-польских отношениях даже в конце лета 1939 года и отчаянно надеялись на поворот в немецкой политике даже после объявления о заключении договора Молотова – Риббентропа.⁴⁷

Когда вспыхнула война, десятки украинских офицеров верно несли свою службу в рядах терпевшей безнадежное поражение польской армии. В ответ польское правительство уделяло явно незначительное внимание вопросам безопасности руководства УНР в Варшаве. Однако Левицкий в конце концов сумел покинуть Варшаву и переехать в украинскую этнографическую область Польши. Там его команда получила известие о довольно быстром подходе советских сил. Было решено, что предпочтительнее попасть в руки немцев, чем своих архиврагов. Перед тем, однако, как сдать немцам, президент сумел сообщить Прокоповичу, что, в соответствии с конституцией, тот должен принять обязанности президента и что Шульгин должен, в свою очередь, стать премьер-министром⁴⁸. Прометейцы, возглавляемые Смаль-Стоцким, достигли Львова и были в даже большей опасности перед лицом советского продвижения, но они также успели достичь немецких линий и были благополучно эвакуированы, вероятно, благодаря специальным усилиям адмирала Канариса, начальника разведки, который рассчитывал сохранить группировку для будущего использования против Советского Союза.⁴⁹

После того как украинские республиканцы неохотно приняли покровительство немцев, те сразу стали обращаться с ними как с вражескими военнопленными. Их организация была объявлена незаконной, а лидеры оказались под строгим наблюдением и ограниченными в передвижениях. Однако вскоре к ним стали относиться менее строго. Множеству украинских «офицеров по контракту», номинально военнопленным, позволяли перемещаться в пределах оккупированной немцами Польши, в то время как нескольким политическим лидерам была предоставлена даже работа, связанная с написанием для немцев исследований по Украине. Несомненно, эти послабления были отчасти вызваны готовностью Левицкого и других лидеров поддерживать неофициальные контакты дружественного характера с немецкими представителями. Как будет показано, однако, они никак не желали становиться пешками в руках немцев и при удобном случае старались восстановить собственную свободу действий.⁵⁰

В течение некоторого времени «правительство-преемник» в Париже было способно проводить независимую политику. Прокопович и Шульгин активно помогали делу союзников, особенно усилиями по вербовке значительного числа рабочих украинского происхождения в

---

⁴⁷ Интервью 13.

⁴⁸ Интервью 22; Наступ. 1940. 9 марта.

⁴⁹ Cf. *Karl Abshagen*. Canaris, Patriot und Weltbürger (Stuttgart: Union Deutsche Verlagsgesellschaft, 1949). P. 217; интервью 13.

⁵⁰ См. главу 4.

планируемый легион, который надеялись создать для помощи Финляндии в ее борьбе против Советского Союза. Прежде чем их планы смогли материализоваться, эти люди были захвачены в плен в результате быстрого германского вторжения во Францию. Шульгина направили в концлагерь, Прокопович умер через несколько месяцев после французской капитуляции, и вся значимая деятельность в этом регионе прекратилась.

ОУН, которая быстро увеличивала свое влияние в тридцатых годах, пошла другим курсом. Убийство Коновальца явилось серьезным ударом, но его наиболее болезненные последствия почувствовались не сразу. Вскоре после этого ОУН с головой ушла в формирование украинского «государства» в прикарпатской области Чехословакии. Крах этого проекта в марте принес крайнее разочарование. Это, однако, не дискредитировало ОУН в глазах большинства украинских националистов. В конце концов они увидели, что украинцы начали решительную, хотя и краткую, борьбу против обрушившихся на них невзгод, в то время как другие народы Чехословацкой республики подчинились диктату соседних держав, не оказав никакого сопротивления. Тысячи молодых закарпатских украинцев оказались в изгнании (главным образом в Большой Германии), расширив таким образом ряды ОУН. «Карпатская сечь», военная организация, которая боролась с венграми, заняла свое место в украинской легенде наряду с запорожскими казаками, сечевыми стрельцами и отрядом Тютюнника. Чистым выигрышем оказалось скорое повышение престижа организации, хотя сомнения в мудрости курса, которому она следовала, проявятся позже.

На момент начала войны руководство ОУН оставалось во многом таким же, как и до смерти Коновальца. Кроме его руководителя, Андрея Мельника, был еще и Провод в составе восьми членов. Важная роль этих людей в описываемых далее событиях требует того, чтобы подробнее сказать о личности каждого и их прошлом. Двое были генералами революционного периода; ОУН, как большинство украинских организаций, считала желательным иметь в руководстве лица, которые напоминали бы о днях активной борьбы за освобождение, чтобы таким образом теснее связать организацию с националистическим мифом. Роль генерала Курмановича, кажется, в значительной степени была ограничена этими соображениями престижа; нельзя сказать то же самое о генерале Капустянском, которому предстояло сыграть смелую и активную роль в националистической организации на востоке Украины после июня 1941 года. Ни один из них, однако, похоже, не оказал значительного воздействия на формирование политики организации. Также ограниченную значимость в формировании политики имели двое из более молодых членов руководства – Ярослав Барановский и Дмытро Андриевский. Барановскому было лишь тридцать три года, когда вспыхнула война, он был человеком совсем другого поколения, чем большинство членов руководства. Родом из Галиции, он являлся активным членом подпольной студенческой организации во Львове, был заключен в тюрьму поляками. Позже он продолжил изучение юриспруденции в Австрии⁵¹. Его возраст и предыдущий жизненный путь, похоже, сделали его естественным звеном в связи между руководством и галицкой националистической молодежью, и действительно, вплоть до 1940 года его влияние в этой группе было значительным. К сожалению для него, его репутация находилась в постоянной опасности и могла в любой момент рухнуть из-за того, что его брат, Роман, был агентом польской полиции, хотя Ярослав со всех точек зрения был вне подозрений⁵². Андриевский, хотя был лишь несколькими годами старше Барановского, имел отличную от того биографию и функции в организации. Он уехал с Восточной Украины молодым человеком, некоторое время находился на дипломатической службе республики, а затем обучался на инженера в Бельгии. Прикнув к движению, он взял на себя значительную часть его внешних сношений, хотя главные

⁵¹ См. некролог в «Наступе», 30 мая 1943 г., с. 5.

⁵² Интервью 52, 75; *Богдан Михайлюк*. Бунт Бандери, 1950. С. 50.

контакты, поддерживавшиеся с Германией, осуществлялись через другие каналы. Его умеренность и писательский талант сделали его ценным достоянием организации.⁵³

Следующими по шкале важности в Проводе были двое военных, намного моложе, но и активнее, чем упомянутые выше генералы. Ричард Ярый был уникален среди членов Провода тем, что не был украинцем по рождению. Нельзя сказать с уверенностью, был ли он чехом или немцем по происхождению; он служил офицером в австро-венгерской армии наряду с многочисленными галицкими украинцами, а с распадом этой державы его жребий пал на борющуюся Украинскую республиканскую армию. Он служил лояльно и хорошо, а после провала украинских усилий продолжал сотрудничать со своими товарищами в УВО. Поскольку Германия набирала силу, он установил тесные связи в кругах германской военной разведки. Для других членов Провода он был хорошим товарищем, талантливым сторонником их дела, которое отчаянно нуждалось во всякой помощи, и желанным посредником в отношениях с немцами. В то же самое время его считали амбициозным, предполагали, что он не слишком щепетилен. Некоторые из его коллег чувствовали, что его преданность украинскому национализму не была чистосердечной⁵⁴. Полковник Роман Сушко, подобно Ярому, служил и в австро-венгерской, и в украинской армиях. Хотя и дискредитированный в нацистских кругах, он также был в тесном контакте с абвером. В отличие от Ярого, однако, он был типичный западноукраинец из галицкого крестьянского рода.⁵⁵

Самыми влиятельными лицами считаются Мыкола Сциборский и Омелян Сеньк. Сциборский родился в Житомире в 1897 году, в семье царского армейского офицера, юность провел в Киеве. Таким образом, он знал Восточную Украину такой, какой она была до революции. После службы в украинской армии он эмигрировал в Прагу, где учился на инженера и экономиста⁵⁶. Примкнув к УВО и ОУН в течение этого периода, он быстро поднялся до положения официального теоретика ОУН; в этом качестве он оказался весьма влиятельным. Сеньк, в отличие от Сциборского, являлся практическим организатором. Родом из Галиции (его отец был чиновником во Львове), он был также ветераном революционной борьбы, как и австро-венгерской армии⁵⁷. Он принимал участие в подпольной работе в Польше в двадцатых годах, но вообще расценивался более молодым поколением как слишком умеренный и слишком консервативный. Но он, похоже, пользовался доверием Коновальца до самой смерти последнего и сразу после нее унаследовал практическое руководство организацией. В этом своем качестве он стал переходным звеном в передаче власти полковнику Андрею Мельнику.

Мельник был в состоянии сыграть роль уникальной важности в украинском националистическом движении. Во многих отношениях его естественные качества превосходно удовлетворяли данной роли. Этот человек прекрасно держался, с величием и достоинством, но одновременно отличался своим дружелюбием и самообладанием, и это среди людей, чувство собственного достоинства и уравновешенность которых, как правило, замещались грубостью и экстремизмом. Родившийся в крестьянской семье Восточной Галиции, он был несколько старше (сорока восьми лет), чем большинство его коллег. После получения инженерного диплома в Вене в 1912 году⁵⁸ он служил в австро-венгерской армии. Там, как вспоминают, его коллеги-офицеры, австрийцы и украинцы, звали его «лорд Мельник» – не из сарказма, а в знак искреннего уважения воплощенной в нем английской концепции джентльмена, тогда еще

---

⁵³ Интервью 48, 67.

⁵⁴ Интервью 67.

⁵⁵ См. некролог: Львівські вісті. 1944. 2 февраля. С. 2; письмо Райнхарду Хайдриху, Aussenpolitisches Amt der NSDAP, Reichsleitung, 18 сентября 1940 г.

⁵⁶ См. некролог в «Наступе», 27 сентября 1941 г., с. 1.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Наступ. 1940. 12 декабря. С. 3.

считавшейся идеалом в Центральной Европе⁵⁹. В своей последующей карьере, в которой не было особых взлетов, он не сделал ничего, что повредило этой репутации. При Коновальце он был начальником штаба сечевых стрельцов, а позже отбывал срок в польской тюрьме за участие в УВО. В отличие от большинства других лидеров, однако, его карьера в тридцатых годах проходила спокойно. Следуя своему инженерному образованию, он работал управляющим в огромном лесном поместье львовского митрополита.

Трудно сказать, можно ли считать Мельника набожным католиком, но, несомненно, он был гораздо ближе к церкви, чем почти все его коллеги. В течение множества лет до принятия Мельником руководства организацией он был председателем католической молодежной организации «Орло»⁶⁰ в Галиции, которую большая часть оуновской молодежи тех мест считала антинационалистической. Кажется вероятным, что его выдвижение на пост руководителя в Проводе очень устраивало круги грекокатолической церкви, которые таким образом надеялись рассеять антиклерикальные тенденции в ОУН и предотвратить дальнейшее распространение антихристианских элементов в ее идеологии. Одновременно близость Мельника к церкви и его умеренность, несомненно, приветствовались многими членами Провода, особенно Сеньком. Обстановка в Польше была в высшей степени неблагоприятна для создания и развития надежной основы для организованного украинского национализма, независимо от его идеологии. Террористический ответ на жестокое и кровавое подавление поляками всех национальных чаяний был понятен и приемлем время от времени для всех элементов в ОУН и одобрялся даже более широкими кругами галицкого общества. С течением лет, однако, эта тактика приобрела тенденцию выхода из-под контроля и, как следствие, наносила удар по целям организации, так как вызывала еще более жесткие репрессии, а также отчуждение тех членов украинского сообщества, которые все еще надеялись вести нормальный образ жизни. Отчуждение стало особенно явным к концу тридцатых, когда легальные украинские партии в Польше приобрели тенденцию все более отделять себя от подполья и пытались нормализовать отношения с польским правительством. Чтобы остановить эту тенденцию, ОУН нуждалась в более разумном и умеренном руководстве; связи с церковью, особенно с влиятельным митрополитом Шептицким, могли стать неоценимыми.⁶¹

Реальная трудность для такого сближения состояла в том, что оно было абсолютно несовместимо с развитием и идеологией ОУН. Официально Провод был приверженцем интегрального национализма. В политическом контексте Центральной Европы тридцатых годов это подразумевало, что он сильно тяготел к фашистскому тоталитаризму. Тоталитарный элемент в идеологии ОУН состоял в акцентировании нации как сущности, ценимой выше всего прочего. Ей следовало служить любыми средствами, которые могут потребоваться. Сторонники ОУН утверждали, что государство – это попросту наиболее удобная форма национальной жизни, а не абсолютная ценность сама по себе, в отличие от нации⁶². Эта позиция была необходи-

⁵⁹ Интервью 62.

⁶⁰ *Енциклопедія українознавства*, изд. Володымыр Кубийович и Зенон Кузеля (Мюнхен: Наукове товариство ім. Шевченка, 1949), С. 959.

⁶¹ Это дедуктивный анализ, сделанный на основе обстановки в ОУН, а также прошлого и связей лиц из ОУН. Его нельзя подтвердить документально, но, кажется, он вполне соответствует всем известным фактам. По поводу комментариев относительно подозрений, порожденных связями Мельника с церковью и поддержкой его со стороны Сенька, см.: *Василь Рудко (Р. Лисовый)*. Розлам в ОУН // *Українські вісті*. 1949. 23 мая. С. 3. Следует заметить, что несколько критиков первого издания этой книги возражали против утверждения, что более молодое поколение оуновцев склонялось к антиклерикализму, хотя другие согласились с этой интерпретацией. Помимо украинских критиков самые веские возражения выдвинул Hans J. Weeger в *Historische Zeitschrift*, CLXXXVI (октябрь 1958). С. 422—424. Этот вопрос никогда, вероятно, не сможет быть прояснен окончательно, но я остаюсь при убеждении, что моя первая интерпретация является по своему существу правильной. Для подтверждения см.: *Лев Шанковський*. *Похідні групи ОУН* (Мюнхен: Видавництво «Український самостійник», 1958). С. 36.

⁶² Максим Орлик в «Наступе», 17 августа 1940 г., с. 2. Главным образом я полагался на периодические издания довольно большого тиража (приблизительно в 6000 в случае с «Наступом») как основные источники по идеологии ОУН этого периода. Более философские трактаты Донцова и особенно Сциборского «Нациократия» представляют куда больший интерес для

мой тактически, чтобы отчетливо выразить отличие ОУН от гетманского движения. Отведение государству второго места, однако, вводило движение еще далее в направлении обожествления мистической концепции нации, вплоть до расизма. «Национализм основан на чувствах, которые несет расовая кровь».⁶³

Несовместимость таких доктрин с христианскими учениями нельзя было скрыть даже в атмосфере туманного романтизма, распространенного во многих националистических кругах. Так, католический глава Закарпатской Украины монсеньор Вольшин в похвалу Мельнику отметил, что это человек типично европейской культуры, с идеологией, основанной на христианстве, и отличающийся от множества националистов, которые ставят нацию выше Бога.⁶⁴

Это утверждение было, вероятно, справедливым, но сделало положение Мельника еще более аномальным. Мельник был лидером движения, чьей официальной идеологией был тоталитаризм; кроме того, все условия того времени и самого движения способствовали усилению тоталитарного элемента. Он пробовал действовать вопреки этой волне, умерить, хотя бы слегка, философию насилия движения. Чтобы добиться успеха, он был вынужден утверждать свою власть как автократический глава движения. Сейчас с исторических позиций может показаться верным, что тоталитаризм и автократическая власть отделимы друг от друга. В Центральной Европе 1939 года, однако, было трудно действовать, разграничивая эти понятия.

На деле сам Мельник отказывался даже пытаться поддерживать претензии на диктаторскую власть. В документах, которые имеют отношение прежде всего к нему и на содержание которых он, можно допустить, мог влиять, к нему обращаются чаще как к директору Провода, чем как к «вождю». Попытки сделать из Мельника некий мистический образец национальной воли присутствует в упоминании его как руководителя, в котором воплотился гений нации – как в Шевченко, Коновальце, а теперь и в Мельнике⁶⁵, – а также в словах о его «монолитном характере»⁶⁶. В целом, однако, более отчетливо звучал мотив воинской субординации в отношениях с более высокой инстанцией, чем безудержное подчинение воле харизматического вождя. «Руководство (Провод) несет ответственность перед историей, перед будущими поколениями, перед нацией (включая тех, кто были, и тех, кто будет), перед Богом, но никогда перед своими подчиненными! Это вело бы к анархии, ведь такое положение поставит под вопрос порядок в любой армии».⁶⁷

Но по мере того как потребность в подавлении фракционерства становилась все более насущной, от этой умеренной позиции все больше отходили в пользу прямой приверженности принципу вождизма – *Führerprinzip*.

Из вышеприведенной дискуссии видно, что присутствовал острый конфликт между «естественными» тенденциями в идеологии движения и характером личности и убеждениями его руководителя. Если бы вопрос ограничивался эмигрантской секцией ОУН, мог бы быть достигнут компромисс или Мельник мог бы даже выйти победителем. Надо заметить, что из девяти членов Провода (включая самого Мельника) все, кроме двоих, были армейскими офицерами. Кроме того, почти все они служили не только в нерегулярной в некотором роде украинской армии, а и в весьма дисциплинированном офицерском корпусе Российской или Австро-Венгерской империи. Стандарты военной дисциплины и чести не позволяли им полностью поддерживать принцип, что все средства являются законными, по крайней мере когда

изучающего политическую теорию. Из-за целей этой работы, однако, кажется предпочтительным использовать хоть и менее глубокие источники, но такие, что производят большее воздействие на рядовых членов и придерживаются новых течений в идеологии и ее изменении.

⁶³ Сигма в передовой статье в «Наступе». 1940. 23 марта. С. 1.

⁶⁴ Интервью для «Наступа». 1940. 21 декабря. С. 3.

⁶⁵ Український вісник. 1941. 1 февраля. С. 2.

⁶⁶ Наступ. 1940. 14 декабря. С. 1.

⁶⁷ Наступ. Передовая. 1941. 1 февраля. С. 1.

этот принцип должен был применяться во фракционной борьбе в пределах их собственной группы против их признанного руководства. Кроме того, всем, за исключением Барановского, было за сорок, и можно предполагать, что прожитые годы выработали у них иммунитет против импульсивных и насильственных акций.

Если бы, однако, ОУН была ограничена работой в эмиграции, то она вряд ли получила бы большее влияние, чем УНР или гетманцы. Фактически, в отличие от этих двух группировок, она была преимущественно западноукраинской по составу. Правда, из девяти членов Провода трое были восточноукраинскими эмигрантами. Из них, однако, двое имели очень ограниченное влияние, в то время как Сциборский был обязан своим высоким положением прежде всего своим теоретическим способностям. Кроме того, Провод не был точным отражением рядового состава организации. На первое место он ставил не представительство самых важных групп ОУН с Волыни, Закарпатской Украины и Буковины⁶⁸. Более важную роль играла разница в возрасте; основной частью членов ОУН и ее наиболее активной составляющей была молодежь с юга Галиции. Как обсуждалось в предыдущей главе, это поколение, живя двойной жизнью, обучаясь в подпольном университете, находясь под постоянной угрозой ареста польскими властями, обращалось к актам насилия, и многие пострадали за свои дела. Считалось, что эмигрантские лидеры уклонялись от трудностей и опасностей борьбы или, по крайней мере, были не способны понять спрос на нее.

Эти настроения подчеркивались разницей в возрасте между руководством и основной массой членов организации из Галиции. Существовал разрыв приблизительно в десять лет между средним возрастом официального эмигрантского руководства и неофициального лидера на родине; рядовые члены в Галиции были еще моложе. Уже само по себе это различие было достаточно существенно; недостаток зрелости неизбежно ведет к экстремизму среди членов организации, подобной ОУН. Имелись, однако, дополнительные факторы большой важности. Более молодая группа испытывала недостаток опыта роста в стабильном довоенном обществе. Кроме того, старшее поколение имело возможность бороться за украинскую государственность открыто и в легальной форме. Создавая государство и армию, пусть и в течение лишь короткого времени, оно избежало разрушительного чувства собственной неполноценности, которое было результатом проживания в государстве, управляемом представителями другой национальности. У старшего поколения были свои мирные годы, за которыми последовала славная борьба, у более молодого поколения был только опыт горькой, неоднозначной борьбы против польских репрессий. Таким образом, это поколение затаило в себе чувство напряженности, своего рода комплекс неполноценности перед лицом официального руководства.

Нельзя сказать, что руководство было совершенно не виновато в этой ситуации. Большинство его галицких членов разделили трудности борьбы против Польши (трое из них прошли через тюрьмы), а жизнь в изгнании не намного предпочтительнее даже подпольного существования в родной стране. Поколение, к которому пришла зрелость в годы войны, однако, рассматривало себя как закрытое элитарное общество, членство в котором было невозможно для более молодых людей. Следующее выражение может объяснить закрытость элитарных рядов: «Я не против поиграть в политику, но я против того, чтобы играть в нее с моими детьми». И вовсю применялся прием, зливший других: постоянное использование военных званий, приобретенных в ходе войны и, следовательно, не достижимых для более молодых людей, чья военная служба (когда этого нельзя было избежать) ограничивалась срочной службой в польской армии.

---

⁶⁸ Следует подчеркнуть, что было несколько других лидеров (старшего поколения), чье влияние превосходило влияние некоторых членов Провода. В этих неофициальных группах Закарпатская Украина (но не Волынь и не Буковина) были адекватно представлены. Восточные украинцы имели сверхпредставительство по сравнению с числом их рядовых членов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.